

Добрый день,

Я представляю российское федеральное Информационное Агентство Regnum и являюсь его внештатным корреспондентом в Испании. Я хочу подчеркнуть важность обсуждения в рамках ОБСЕ содержания социальной и культурной политики в отношении семьи, материнства и детства. Сразу хочу сделать акцент – из политики отношения к семье, из работы с семьей должна быть изъята рыночная составляющая. Роль поддержки семьи должно взять на себя социальное государство.

Продемонстрирую, во что превратилась политика защиты детства на примере Испании.

Испания, как и другие страны, ратифицировала Конвенцию по защите прав ребенка 1989 года и приняла законы о защите Детства.

В 1983 году, при передаче многих функций автономным сообществам, все структуры франкистского «Патроната женщин», долгие годы занимавшиеся похищением детей у якобы «неблагонадежных» матерей, переходят вместе с архивами, бюджетами, структурами и организациями в ведомство автономных администраций. Отмечу, что эти архивы в демократической Испании до сих пор не раскрыты, и разлученные насильно родители и дети до сих пор ищут друг друга. Считается, что система женского патроната действовала до 1990 года, и за годы франкистской диктатуры было похищено около 300 тысяч детей.

Тысячи писем о принятии мер относительно расследования были отправлены в Европейский парламент. Была создана специальная комиссия, посетившая Испанию с 22 по 23 мая под руководством британского евродепутата Джудит Киртон-Дарлинг. А 30 мая 2017 года состоялись слушания в испанском Сенате, на котором представители родительской общественности вновь заявили, что в 1990 году похищения детей не закончились, детей по надуманным причинам и сейчас изымают из семей, создавая социальных сирот при живых родителях. Только теперь этим занимается администрация автономных сообществ на легальных основаниях.

Учитывая все эти детали, довольно логично представить, что нынешние организации, изымающие детей, являются прямыми наследниками франкистской структуры похищения детей.

На каждого изъятого из семьи ребенка выделяется от 4000 до 8000 евро в месяц на каждого ребенка, как по специальным программам ЕС, так и из государственных и муниципальных и частных фондов.

Закон о защите Детства по сути превращается в бизнес и начинает действовать по законам рынка. Втягиваясь в систему ювенальной юстиции, частные компании и общественные

структуры начинают делать свой бизнес на семейной боли и скорби. Бал правят большие деньги. Помимо прочего, попавшие в беду семьи имеют дело с персоналом, не являющимся госслужащими — семьи забирают в свои цепкие лапы нелицензированные психологи и иные сотрудники НПО. А все эти представители НПО по определению движимы только логикой максимальной рентабельности, она же — бизнес на детях. Чтобы быть сверхрентабельным, этот бизнес не может не быть предельно грязным. И он воистину является таковым. Семьям в обязательном порядке «предоставляют» (т. е. навязывают) так называемые услуги. Например, «помощь» семье в сложной экономической ситуации, и помощь эта выражается — в чем бы вы думали? - в отъеме ребенка у небогатых родителей. Очень часто экономическое неблагополучие семьи или принадлежность к маргинализируемым социальным группам является мотивом пристальной слежки со стороны социальных служб и заканчивается изъятием детей. Такая дискриминация недопустима.

Создан рынок детей, которому необходим неиссякаемый поток детей для предоставления услуг по их содержанию и обслуживанию семей. Данные законы отвечают удовлетворению потребностей рынка устройства детей, в том числе и семейного устройства в так называемые фостерные семьи, а вовсе не интересам детей. Данные законы вытесняют политику защиты семьи и детства политикой наполнения созданного рынка товаром, то есть детьми. Чтобы облегчить процедуру изъятия ребенка, представители ювенальных структур искусственно подводят под определение «безнадзорности» детей, растущих в семьях с низким материальным достатком, детей тех родителей, что потеряли работу или детей из неполных семей, которых растят матери-одиночки. То есть, под ударом находятся самые незащищенные категории населения. Изымаются дети часто и из семей иммигрантов и из маргинализованных семей.

Подчеркну, что судебная система в правовом государстве предполагает презумпцию невиновности, необходимость доказанности преступления при вынесении приговора и возможности защиты обвиняемого.

Администрация при изъятии детей из семьи основывается на собственных субъективных предположениях инструкциях и непрозрачных индикаторах риска. Работники, выявляющие «неблагополучные» семьи и предоставляющие социальное сопровождение этим семьям, не являются специалистами, не имеют коллегиальной принадлежности и не несут никакой ответственности перед обществом и государством за свои действия. За их безответственные решения, зачастую оборачивающиеся семейными трагедиями, работников социальных служб невозможно привлечь к судебной ответственности!

Социальные службы вмешиваются в семью на основании данных, полученных от третьих лиц. На основании этих сомнительных «данных» и неких индикаторов риска, принимается решение о безнадзорности ребенка и о его изъятии из семьи. При этом, семье не предоставляется даже права ознакомиться со всей информацией, собранной против них, не говоря уже о праве на то, чтобы защитить себя. Зачастую, даже после обращения в суд и принятого судьей решения о возвращении ребенка в семью, система опеки отказывается возвращать ребенка и тянет время с исполнением решения суда. Отмечу, что даже кратковременное разлучение с родителями провоцирует неизгладимую травму в душе и психике ребенка, и это является одной из наиболее жестоких форм насилия против ребенка. А также - против женщин, против матерей, которые зачастую сравнивают то, что переживают при разлучении с ребенком, с пытками.

Эти травмированные на всю жизнь дети попадают в экстремистские организации через социальные сети или непосредственно через сети вербовщиков, проникающих в центры содержания детей. Так, например, совсем недавно, 6 сентября 2017 года, уже после терактов в Барселоне, в испанском городе Мелилья полиция задержала лидера джихадистской испано-марокканской ячейки Хафида Мохамеда, который работал воспитателем в приемном центре для несовершеннолетних эмигрантов Фуэнте де ла Пурисима, где пребывало 300 несовершеннолетних, в основном марокканской национальности. Там Мохамед использовал свое служебное положение для вербовки молодых людей, находящихся в условиях особой уязвимости. Ячейка, по словам министра внутренних дел Испании Хуана Игнасио Зоидо, имела высокий потенциал реализации теракта. Агенты полиции заметили проводимые по ночам тренировки, на которых симулировались убийства путем обезглавливания.

В других центрах для несовершеннолетних работают другие секты и экстремистские организации. Кроме того, неоднократно заявлялось о жестоком отношении к детям в этих центрах, а также раскрываются скандалы о сексуальном насилии, детской порнографии а также пропажи детей, в особенности детей мигрантов, без вести.

Итак, можно констатировать, что дети стали товаром, и общество приучают к этому, как к норме; что представление об «интересах ребенка», его благе связывают с материальным благополучием семьи, а понятие «любовь» попросту игнорируется; что социальная ответственность государства за «слабоможных» членов общества, прежде всего за детей, перекладывается на бизнес с его специфическими интересами; что дошло до того, что звуки мильной оперы «заботы о детях» способны заглушить очевидные преступления, творимые по отношению к ним и к их кровным семьям.

В связи с вышеизложенным, мы рекомендуем провести реформы системы защиты Детства, исключив из нее презумпцию виновности родителей и произвол социальных служб, зачастую оборачивающийся трагедиями для семей. Необходимо прописать положения, согласно которым только судебная система могла бы выносить решение об изъятии ребенка из семьи. Необходимо ввести в законодательство ответственность работников социальных служб за неправомерное изъятие детей. Нам необходимо куда более бережное отношение к семье как к основе стабильного общества. Нужно сделать упор на оказание реальной экономической, социальной и моральной поддержки семье, и исключить вмешательство в частную жизнь семьи без реальной необходимости и опасности для жизни ребенка. Необходимо предпринимать культурные и образовательные меры, нацеленные на сохранение семьи, а не на её разрушение и противопоставление прав одних членов семьи другим, тем самым искусственно создавая вражду и конкуренцию внутри семьи. Борьба с насилием и экстремизмом путем снижения постоянной пропаганды насилия в массовой культуре и СМИ.